

17. Die Bayerische Vertretung in Brüssel. – München: Der Bayerische Staatsminister für Bundes- und Europaangelegenheiten, 2001.

18. Verfassung des Freistaates Bayern. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Überblick Europäische Union. Mit Sonderteil Bayerischer Landtag. – München: Bayerische Landeszentrale für politische Bildungsarbeit, 2001.

19. Blumenwitz D. Europäische Integration und deutsche Wiedervereinigung // Zeitschrift für Politik. – 1990. – Н. 1.

20. Blumenwitz D. Das vereinigte Deutschland und die europäische Friedensordnung // Neubestätigung und Weiterentwicklung von Menschenrechten und Volksgruppenrechten in Mitteleuropa. Bd. 10. – Köln, 1991.

США И ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС В 1980-1984 ГОДАХ.

В. В. Суботский

г. Минск, БГПУ имени М. Танка

В 1980 г. администрация Дж. Картера, взяв курс на конфронтацию, положила начало новому циклу политики безопасности. Год спустя приход в Белый дом Р. Рейгана и выдвигание доктрины „неоглобализма“ окончательно определили возрождение силовой политики сдерживания „советского экспансионизма“ по всему земному шару. Конкретный инструментарий борьбы с коммунизмом стал определяться политикой санкций, эмбарго, бойкотов, а также наращиванием военных преимуществ. В такой ситуации нашло свое продолжение и участие США в борьбе за геополитическое пространство Центральной Европы.

Возрастание силового нажима на СССР вряд ли означало, что США обладали реальными возможностями и желанием положить глобальный баланс сил на алтарь германского единства. Хотя американцы и не противопоставили идее объединения Германии в принципе, они оставались пассивны в отношении ее практической реализации [1]. При том, что Европа и Германия занимали большое место в общественном сознании США и большинство американских граждан были осведомлены о расколе Германии, германский вопрос не представлялся насущной проблемой, а объединение Германии не казалось реальным [2]. Стратегию в германском вопросе Белый дом был склонен вырабатывать в зависимости от европейской ситуации. При этом, как правило, на первое место ставился союз с ФРГ. Сюда относились также защита интересов в Западном Берлине и построение отношений с ГДР.

В рассматриваемый период тесные связи с ФРГ продолжали оставаться для Вашингтона главной причиной эффективности НАТО. А Западной Германии принадлежала ключевая роль в обеспечении безопасности интересов США в Европе [3]. Вместе с тем, на фоне структурных перемен на Западе и трансформации характера американского лидерства, продолжался процесс распада европейской политики Вашингтона, основанной на принципе „двойного сдерживания“ [4]. До начала разрядки такая политика гарантировала контроль над ФРГ и участие западных немцев в борьбе с СССР. Кроме того, США вынуждены были иметь дело с такими явлениями как „европеизация“ и „германизация“ разрядки.

Первое явление означало обострение конфликта интересов США и Западной Европы. Это было связано с ростом убеждений о деструктивной роли Америки в поддержании безопасности Запада, а также экономического и политического порядка в мире. Оставаясь проамерикански настроенными, западноевропейские лидеры стремились к большей автономии. Опасения из-за кондоминиума супердержав сменились страхами чрезмерного охлаждения отношений между СССР и США, что выразилось в восприятии идеи „делимости разрядки“, т. е. возможности ее поддержания в рамках европейского континента.

Второе явление характеризовалось постепенным исчезновением представлений о ФРГ как об „экономическом гиганте и политическом карлике“ и превращением модели „Германия“ в потенциального претендента на заполнение частичного вакуума, образовавшегося в результате снижения могущества США. Восточная политика принесла Бонну наибольшие политические, экономические и гуманитарные дивиденды. В

том числе и в области „особых интересов“ — укрепление связей с Западной Берлином и ГДР. Разрядка фактически превратилась в национальную необходимость для ФРГ.

Еще с весны 1979 года в западных СМИ появились свидетельства беспокойности некоторых стран и деятелей по поводу активной роли ФРГ, ориентации ее внешней политики и сохранения верности Западу. Расширение дискуссий вокруг проблемы национальной идентичности и возросшее влияние Бонна в институтах Запада позволили многим наблюдателям говорить о возрождении германского вопроса [5]. Катализатором его обострения стали дебаты вокруг общей западной стратегии в отношении Востока, что наиболее очевидно отразило проблему стратегического баланса в Европе и реализация „двойного решения“ НАТО, принятого в декабре 1979 года.

В начале 80-х гг. Вашингтон придавал большее значение военным факторам безопасности, а возврат к переговорам ставил в зависимость от ряда уступок Москвы, в том числе и по ракетам СС-20, а также надеялся на автоматизм западногерманской солидарности. Лидер социал-либеральной коалиции ФРГ Г. Шмиат стремился замедлить развитие кризиса разрядки, продолжать отношения с СССР и ГДР и активизировать диалог супердержав по контролю над вооружениями. Это заставило его прибегнуть к роли посредника или „переводчика“ [6] между СССР и США и выдвигать ряд инициатив по созданию климата для переговоров. Канцлер настаивал на достижении солидарности внутри НАТО на основе концепции „разделения труда“ и равноправном партнерстве с США. Такая тактика была признана: „умиротворить“ растущую критику внутри страны и СДПГ, сохранить голос ФРГ в управлении альянсом и ликвидировать дилемму выбора между Востоком и Западом.

Определенную свободу маневра Бонн приобрел благодаря Парижу, который до конца 1980 г. воздерживался от публичных высказываний по „евроракетам“ и активно развивал собственный диалог с Москвой. В поддержке Ж. д'Эстена проявилась старая голландская идея решения германского вопроса через создание франко-западногерманского ядра вне НАТО и в независимой Европе [7]. Большинство ведущих стран Западной Европы, за исключением Великобритании, также поддерживало действия ФРГ.

На протяжении 1980-1982 гг. связи США и ФРГ ослабели [8]. Этому способствовали как субъективные, так и объективные причины. Субъективные были связаны с личными трениями Дж. Картера и Г. Шмиата, а также с восприятием Р. Рейганом канцлера как социалиста. Объективные — характеризовались различными подходами обеих стран к политическим и экономическим вопросам международной политики. Тактика затягивания перехода к конфронтации предопределила скептическое отношение Бонна к расширению сферы деятельности НАТО, сокращению торговли с Востоком и увеличению расходов на оборону. Неодобрение Вашингтона вызывало стремление Г. Шмиата утвердить сдержанный подход к кризисам в Афганистане, Иране, Польше, к ситуации на Ближнем Востоке и Центральной Америке, а также оказывать давление в пользу переговорного решения проблемы „евроракет“. Глава западногерманского правительства осуждал администрацию США за политику высоких учетных ставок и требования бойкотировать проект „газ-трубы“.

Все это питало опасения Америки по поводу воссоздания „Рапалло“ и стимулировало обвинения в сепаратизме, нейтраллизме и самодинамизации социал-либеральной коалиции. Как полагал З. Бжезинский, позиция ФРГ в плане конкретной поддержки курса Вашингтона была двусмысленной [9]. Критические замечания Г. Шмиата в адрес американской администрации способствовали „легитимизации“ антиамериканских настроений в Западной Германии” [10]. В то же время стремительно распространялась критика американской политики и президентов в учрежденных образованиях, в СМИ и в среде представителей интеллигенции ФРГ.

Вместе с тем канцлер не менял своего подхода к политике безопасности и пытался демонстрировать руководству США приверженность общей линии Запада. Ему неоднократно удавалось добиваться поддержки СДПГ „двойному решению“ НАТО. В Бонне также были склонны к сотрудничеству с Вашингтоном в вопросах экспорта стратегических технологий и бойкота Олимпиады в Москве. Правительство Западной Германии пошло на введение „ограниченных санкций“ против Польши, а также за-

медление развития германо-германских отношений. Г. Шмиidt продолжал поддерживать и долгосрочную военную программу НАТО.

Значительную угрозу интересам США в Европе представляло провозглашение молодым поколением социал-демократов (К. Фойгт, О. Лафонтен, П. Бендер и др.) новой фазы восточной политики, что означало необходимость распространения разрядки на военную сферу. Особое звучание приобрела концепция "совместной безопасности" Э. Бара, которая в отличие от "партнерства безопасности" Г. Шмидта основывалась не на сдерживании, а на создании безъядерных зон с последующим преодолением блоковой системы безопасности в Европе [11]. Среди представителей левого крыла САПГ активно развивались идеи "самоутверждения" и "европеизации Европы", а также был возрожден лозунг "Mitteleuropa".

Альтернативные идеи в области политики безопасности обсуждались и новыми социальными течениями Западной Германии, где господствовали пацифистские настроения. Здесь также были популярны новые взгляды на будущее Германии в целом. Характерной чертой антивоенных выступлений, которые постепенно превращались во влиятельную внепарламентскую силу, стал односторонний отказ от вооружений. Это требование не базировалось только на симпатии к коммунизму. Идеологические корни и мотивация протестов были многообразны, но они отражали распространенное чувство страха перед массовой гонимой вооружений и механизацией политики безопасности [12].

В недрах пацифистского движения сформировалась партия "зеленых", которая отклоняла стратегию устрашения с помощью ядерного и обычного оружия и выступала за выход ФРГ из НАТО и одинаковую дистанцию по отношению к США и СССР [13]. -НАПГ, используя антиамериканские настроения, также строила свою тактику на принципах паритета и равноудаленности от ОВД и НАТО. Как и действия ультралевых, террористические акции неонацистов были направлены против американских солдат [14]. Это сопровождалось общим ухудшением отношений между военными США и гражданским населением.

В глазах представителей Белого дома, конгресса и общественности США всевозможные воззвания, массовые демонстрации, пасхальные марши и т. п. приобретали признаки нейтрализма и особого немецкого пути „Sonderweg“ [15]. В связи с этим предполагалось усилить сотрудничество и координацию с правительством социал-либеральной коалиции. Необходимыми шагами в этом направлении были: поддержка стремлению Бонна к немецкому единству и западногерманской политике в отношении Берлина и ГДР; обещания ускорить ратификацию Договора ОСВ-2; согласие на начало переговоров с Москвой об ограничении ядерных вооружений в Европе. Уже встреча стран-участниц СБСЕ в Белграде была отмечена "распределением ролей между делегациями" [16].

Администрация Р. Рейгана также признала принцип "разделения труда", что выразилось в заключении взаимовыгодного правительственного соглашения в апреле 1982 г., где речь шла о содействии США со стороны ФРГ в случае кризисной ситуации или войны. Несмотря на "доктрину Роджера" и планы производства нейтронного оружия, Белый дом демонстрировал готовность к возобновлению переговоров в Женеве, а также принятию идеи Г. Шмидта о "нулевом варианте" [17]. Такой подход был адресован западногерманской общественности с тем, чтобы снизить накал антиамериканизма среди сторонников мира, поддержать позиции канцлера в партии и воспрепятствовать стратегии Кремля, направленной на использование пацифистских выступлений для оказания давления на боннское правительство. В начале 1982 г. после визита Г. Шмидта в Вашингтон началась практика регулярных совещаний координаторов двух стран, целью которых было повысить уровень взаимопонимания между общественностью США и ФРГ.

Между тем САПГ все более сдвигалась влево, а ее потенциальный избирательный корпус вливался в антивоенное движение. Оказавшись в изоляции в своей партии, в условиях раскола социал-либеральной коалиции и обострения внутривнутриполитической ситуации, Г. Шмиidt не мог рассчитывать на поддержку республиканской администрации, которой объективно ближе была программа ХДС/ХСС. К этому времени "друзья" социал-демократов в восточном истеблишменте США окончательно утратили влияние на внешнеполитический курс администрации [18]. Слухи в политических кругах и печати обеих стран свидетельствовали о предпосылках смещения Г. Шмидта с поста канцлера ФРГ.

Глава нового коалиционного правительства ХДС/ХСС-СвДП Г. Коля обозначил два четких приоритета: освобождение западногермано-американских связей от двусмысленности, укрепление и стабилизация дружбы между США и ФРГ; приверженность обязательствам ФРГ в НАТО в целях политики сохранения мира. Тем самым канцлер ФРГ дистанцировался от проявлений антиамериканизма в своей стране. На этой основе руководители США и ФРГ предприняли комплекс мер, направленных на укрепление связей между странами и преодоление антиамериканских настроений. Во-первых, празднование 300-летия немецкого поселения в США позволяло заключить американо-немецкую дружбу в рамки широкой исторической перспективы, давая политикам и СМИ солидный пропагандистский материал. Во-вторых, усилилась пропаганда среди населения обеих стран достижений в области науки и культуры. В-третьих, увеличилась разъяснительная работа с молодежью и американскими военнослужащими и их семьями. В-четвертых, расширились контакты между различными правительственными и неправительственными организациями. В-пятых, активизировались программы в области образования и обменов, перерабатывались школьные учебники по истории двух стран. В-шестых, создавались различные немецко-американские объединения, союзы, кружки, общества и проводились "недели дружбы с США" и т. д. [19].

И хотя риторика Г. Коля напоминала жесткие высказывания Р. Рейгана в адрес СССР, на практике Бонн следовал преемственности в восточной политике, не собираясь снижать уровень самостоятельности, достигнутый в предыдущие годы. Канцлер выражал готовность развивать отношения с Москвой и призывал американского президента проявить гибкость на переговорах в Женеве. Особый упор был сделан на расширение германо-германских связей. К этому подтолкнулись такие консерваторы как Ф.-И. Штраус, который в кредитах видел средство подчинения ГДР. Он не считал, что следование американскому курсу конфронтации соответствует национальным интересам ФРГ [20].

Консерватор от ХСС, как и либерал от СДПГ К. Фойт выступал за создание так называемой системы "двойного ключа" с тем, чтобы увеличить влияние Бонна на использование ядерного оружия, расположенного на территории Западной Германии [21]. Другими словами новые настроения не ограничились только социал-демократами, которые перешли в оппозицию. Они превратились в общую тенденцию внешней политики ФРГ с более германоцентричной, националистической перспективой [22]. Правительство в Бонне более открыто стало выражать немецкие национальные интересы и акцентировать внимание на необходимости практических шагов по решению германского вопроса, что сопровождалось активным обсуждением в среде обществности идей "ревизии Ялты".

Требования мира на немецкой земле и национальный компонент заняли важное место в стратегии Москвы в германском вопросе. Еще при Г. Шмиде в Кремле отказались от компромиссов с руководством ФРГ и сделали ставку на антивоенные протесты. Их участникам адресовались различные инициативы в области сокращения вооружений, реально не учитывавшие интересы западных правительств. Поощрение германо-германских отношений и включение в них ядерной проблематики были связаны с намерением повлиять на официальный курс Бонна. В 1983 году СССР даже не исключал конфедерации двух германских государств, если ФРГ откажется от размещения американских РСД [23].

В Вашингтоне во многом исходили из идеи Дж. Шлесинджера, что не следует опасаться германского национализма, если его правильно направлять. Не случайно среди представителей американской администрации получила распространение формула "равноправного партнерства" с ФРГ. Бонну предоставлялась большая свобода маневра, и высказывались намерения учитывать его интересы. Примером являются ряд инициатив Р. Рейгана по сокращению вооружений в 1983 г., удовлетворявших ФРГ [24]. В этот период также усилился процесс "германизации" руководящего состава НАТО, что позволило западным немцам оказывать влияние на принятие решений внутри НАТО, в том числе и по использованию ядерного оружия [25].

Расширение участия Бонна в новых военных программах также имело свое значение. Теоретически проект СОИ, предусматривавший переход от наступательной оборонительной стратегии, означал отмену принципа устрашения [26]. Таким образом создавался эффект ухода Америки из Европы и увеличения угрозы со стороны СССР. Это на наш взгляд, должно было подтолкнуть Западную Европу, включая ФРГ, к поддержке американских усилий по укреплению сдерживания, в том числе к размещению РСД.

Опасения соседей Западной Германии, особенно Франции, также содействовали политике Вашингтона. Ф. Миттеран активно вмешивался в дебаты в ФРГ и открыто поддерживал реализацию решения НАТО, а также усилил франко-западногерманское сотрудничество в области безопасности [27]. В дальнейшем активное развитие германо-германских отношений на основе идей "коалиции разума" и "общей ответственности немцев за разрядку" не снижало обеспокоенности союзников. Осенью 1984 г. министр иностранных дел Италии Дж. Андреоти предупреджал о движении Бонна к пангерманизму [28].

После неудачных попыток предотвратить размещение американских РСД, СССР пытался ограничить контакты ФРГ и ГДР. Он также развернул кампанию обвинений Бонна в милитаризме и реваншизме, ссылаясь на активизацию правоконсервативных союзов и землячеств. Несмотря на оставшиеся разногласия между США и ФРГ, это только теснее сплачивало западных немцев вокруг проамериканского курса Г. Коля и его концепции германского единства. В Вашингтоне также ставили вопрос о соответствии германо-германского сближения интересам, но официальная реакция была сдержанной. Некоторые взгляды свидетельствовали о том, что германскую политику Бонна следовало воспринимать как конструктивный вклад в политику Запада в отношении СССР, своего рода "разделение бремени" [29].

Важным фактором воздействия на ФРГ, затрагивавшим ее специфические интересы, была политика США в Западном Берлине. В начале февраля 1980 г. Г.-Д. Геншер заявил, что в ответ на поддержку Америки в Афганистане Бонн "ожидает солидарности Вашингтона в Берлине" [30]. В начале 80-х гг. США активизировали свои действия в этом городе. Было также усилено давление на политические партии Западного Берлина с целью добиться публичной поддержки курса Вашингтона. Возрождался и образ города как "передовой обороны". Об этом свидетельствовали военные маневры на территории города и визиты командования НАТО [31].

Вместе с тем основной проблемой США видели изоляцию Западного Берлина от растущей международной напряженности. Поддержание четырехсторонних прав и ответственности за город как целое продолжало оставаться краеугольным камнем американского присутствия в Европе. Главными приоритетами являлись: склонить СССР к обязательствам, зафиксированным в четырехстороннем соглашении по Западному Берлину (этому способствовало заключение соглашения четырех держав по железнодорожным тарифам); содействовать развитию экономических, политических и культурных связей Западного Берлина с ФРГ и Западом. Важнейшей задачей Вашингтон считал дальнейший поиск практических решений для вопросов, вызывавших напряженность в городе [32].

Функцией своего присутствия в городе Вашингтон считал защиту свободы в городе и его связей с Западом. С целью стабилизации партийной структуры, специальными распоряжениями союзной комендатуры вводились ограничения на деятельность НДП и ее участие в выборах в сенат. Белый дом совместно с союзниками неоднократно осуждал действия ГДР, направленные на ограничение свободы передвижения между западными и восточными секторами города. Примером этому является эпизод с введением положения об обязательном минимальном обмене денежных средств для граждан несоциалистических стран и Западного Берлина, въезжавших в ГДР [33].

США, Франция и Англия в большинстве случаев положительно реагировали на мероприятия ФРГ, направленные на расширение присутствия в западной части города, учитывая при этом степень сохранения режима четырех держав. Они также энергично отстаивали перед СССР принадлежность Западного Берлина к политическим институтам Западной Европы. В 1984 г. союзники решительно отвергли протест Кремля в связи с участием западных секторов города в выборах в Европейский парламент [34]. Кроме оборонительной миссии, США стремились сделать Западный Берлин образцом технологического, делового, социального и образовательного развития. Для этого был создан комитет сотрудничества между США и Западным Берлином с целью совместного поиска путей преодоления проблем, связанных с экономическим спадом, урбанизацией, а также для содействия программам студенческого обмена [35].

В выступлениях представителей американской администрации неоднократно подчеркивалось символическое значение города для защиты западного образа жизни во всем мире. Дальнейшее существование Берлинской стены они считали признанием поражения режима ГДР и свидетельством того, что население обеих частей города не

отказалось от взаимных связей. Западный Берлин стал и местом обращения американского президента к руководству СССР. В берлинской инициативе Р. Рейгана от 1982 г. звучали призывы к совместному участию в сохранении мира, выдвигались инициативы по разоружению, предлагалось открыть Бранденбургские ворота и сделать город отправной точкой сокращения напряженности и перехода к мирному соперничеству [36].

Что касается ГДР, то с точки зрения «дифференцированного» подхода к странам Восточной Европы в 1980-83 гг. это государство не представляло особого интереса для практической политики США. Восточный Берлин причислялся к числу тесных союзников Москвы. Об этом свидетельствовала поддержка ГДР действиям СССР в Афганистане, в период кризиса в Польше и дебатов вокруг РСД. Территория Восточной Германии рассматривалась как база подготовки террористов для акций в странах третьего мира. Принципиальным вопросом оставалось соблюдение прав человека в ГДР. Особенно это касалось ограничений на свободу передвижения и случаев нарушения гражданских прав. Поэтому критика режима Э. Хонеккера была обычным явлением в правительственных организациях США [37].

Среди нерешенных проблем в двусторонних отношениях выделялись: компенсации за собственность США, оставшуюся на территории Восточной Германии; компенсации жертвам холокоста; либерализация эмиграционной политики взамен на предоставление статуса наибольшего благоприятствования. Источником напряженности в двусторонних отношениях являлась решимость США отстаивать свои права и ответственность за город как целое и непризнание Восточного Берлина столицей ГДР.

Фактическая монополия на развитие отношений с правительством Э. Хонеккера принадлежала Бонну. Коммунике заседаний Совета НАТО и официальные высказывания представителей американской администрации свидетельствовали о том, что Вашингтон всячески старался продемонстрировать одобрение различных шагов ФРГ по укреплению связей с Восточной Германией. В тексте ратифицированного в 1980 г. консульского соглашения между ГДР и США не содержалось юридического признания гражданства ГДР, что соответствовало целям Бонна. Вероятно, также с оглядкой на ФРГ Восточную Германию оставили в ведении центрально-европейского отдела после реорганизации в госдепартаменте. Вместе с тем предпочтения США продемонстрировала ситуация в Польше, где движение «Солидарность» укрепило надежды Белого дома на скорое «освобождение» стран Восточной Европы. Вследствие чего позорения в сепаратизме заставили Г. Шмидта отменить визит в ГДР [38].

В конце 1983 г. увеличение степени автономии ГДР по отношению к СССР и ее роли в развитии германо-германских отношений привело к изменению подхода США к Восточной Германии. Вашингтон стал проявлять заинтересованность в контактах с Восточным Берлином независимо от восточной политики Бонна. Возможной причиной относительного сближения США и ГДР можно считать и некоторое удивление Вашингтона, которое было связано с отсутствием изменений в восточной политике Г. Коля. Усилия США по улучшению отношений с ГДР воплотились в активизации визитов представителей правительства и конгресса. Переговоры осуществлялись по следующим направлениям: удовлетворение американских финансовых требований, улучшение ситуации с правами человека и расширение торговых связей [39].

Таким образом, стратегия США в германском вопросе в 1980-84 гг. была направлена на укрепление связей с ФРГ на более равноправной основе, что позволило сохранить приверженность Бонна основополагающим установкам политики безопасности. Несмотря на жесткий антисоветский курс, Вашингтон проявлял больше гибкости в отношении политики разрядки, что, в конечном счете, воплотилось в возобновлении советско-американского диалога по разоружению в конце 1984 г.

1. Calleo D. P. Deutschland und Amerika: eine amerikanische Sicht // Geteiltes Land-halbes Land? Frankfurt/Main, Bonn, 1986. S. 74
2. Проблематика «сближения» в западногерманской литературе 80-х годов. М., 1989. С. 217-218
3. Documents on Germany, 1944-1985. Washington, 1986. P. 1335
4. Hanrieder F. W. Vom Doppelcontainment zum Umbruch in Europa: Konflikte und Konsolidierung im deutsch-amerikanischen Verhältnis // Die USA und die deutsche Frage 1945- 1990. Frankfurt/Main, New York, 1991. S. 233-239

5. Heß J. C. West deutsche Suche nach nationale Identität //Die deutsche Frage in der Weltpolitik. Stuttgart, 1986. S. 9
6. Ash T. In Europe's name: Germany and the divided continent. New York, 1993. P. 95-96
7. Lellouche P. Europe and her Defense //Foreign Affairs, Spring 1981, Vol. 59 Issue 4. P. 825-827
8. Banchoff T. The German Problem Transformed. Institutions, Politics, and Foreign Policy, 1945-1995. Michigan, 1999. P. 114
9. Ninnckovich F. Germany and the United States: The Transformation of the German Question since 1945. Boston, 1988. P. 159
10. Carter J. Keeping Faith: Memoirs of a President. Toronto, 1982. P. 538
11. Дуаникова Т. И. Политический портрет Эгона Бара. М., 1991. С. 34-41
12. Westphal S. Arendt J.: Uncle Sam und die Deutschen: 50 Jahre deutsch-amerikanische Partnerschaft in Politik, Wirtschaft und Alltagsleben. München, 1995
13. Воробьева Л. М. Внешняя политика ФРГ на пороге XXI века. М., 2001. С.224
14. Безыменский А. Метаморфозы западногерманского неонацизма //Международная жизнь. 1983, № 9 С. 109-110
15. Hafendon H. Eine schwierige Partnerschaft BRD und USA im Atlantischen Bündnis. Bonn, 1988. S. 70-71
16. Новик Ф. И. СССР и проблемы безопасности и сотрудничества в Европе (опыт 70-х – первой половины 80-х годов) //Советская внешняя политика в годы "холодной войны" (1945-1985). Новое прочтение. М., 1995. С.357
17. Documents on Germany, 1944-1985. Washington, 1986. P. 1343, 1345-1351
18. Braunthal G. Present US Perceptions of the SPD //German Social Democracy and the United States: Past, Present and Future attitudes: Contributions to a Seminar, held by the Friedrich-Ebert-Stiftung on the Occasion of 125th Anniversary of the Social Democratic Party, Washington, D. C., May 23 1988. Bonn, 1988. P. 19
19. Трынков А. А. США-ФРГ: „новое начало“ //США: экономика, политика, идеология. 1983, № 12 С. 30
20. Борисова И. В. ХДС/ХСС. Концепция единой немецкой нации (80-90 гг.) //Объединение Германии и его последствия. М., 1998. С. 51
21. The Federal Republic of Germany and the United States. Changing Political, Social and Economic relations. Boulder, London, 1984. P. 13
22. Bertram Ch. Europe and America in 1983 //Foreign Affairs. America and the World, 1983, Vol. 62 Issue 3. P. 625-626
23. Frey E. Division and Détente: The Germans and their Alliances. New York, 1987. P. 76-86
24. Стрелец М. В. ФРГ и проблемы ограничения и сокращения вооружений в Европе (1949-1990). Брест, 1997. С. 267-292
25. Павлов Н. В. Внешняя политика ФРГ: концепции и реалии 80-х годов. М., 1989. С. 84-85
26. Hanrieder W. Germany, America and Europe: Forty Years of German Foreign Policy. New Haven, 1989. P. 122
27. Lellouché P. France and the Euromissiles. The Limits of Immunity //Foreign Affairs, Winter 1983/1984, Vol. 62 Issue 2. P. 326-327
28. Sommer Th. Lieber zweimal Deutschland als einmal? //Die Zeit, September 28, 1984
29. Dean J. How to Loose Germany //Foreign Policy, Summer 1984, № 55. P. 70-71
30. Stern F. Germany in a Scmi-Gaullist Europe //Foreign Affairs, Spring 1980, Vol. 58 Issue 4. P. 884
31. Трейли Д. В. США и Западный Берлин //США: экономика, политика, идеология 1981, № 8 С. 44
32. Documents on Germany, 1944-1985. Washington, 1986. P. 1334-1336
33. Dokumente zur Berlin-Frage. Vol. 2: 1967-1986. München, 1982. S. 104-105
34. Ibidem. S. 427-428
35. Documents on Germany, 1944-1985. Washington, 1986. P. 1381
36. Ibidem. P. 1352-1356
37. House Committee on Foreign Affairs, Subcommittee on International Organisations: Human Rights in Eastern Europe and Soviet Union. Washington, 1980 P. 58
38. McAdams A. Germany divided. Princeton, 1993. P. 139-140
39. Gaida B. C. USA-DDR. Politische, Kulturelle und Wirtschaftliche Beziehungen seit 1974. Bochum, 1989. S. 170-183